

УДК 351.858

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ**

К. Е. Кордобовская

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт кафедры теории государства и права
e-mail: kordobovskay@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, касающиеся характеристики правовой культуры советского общества в 1917–1930-х годах, и факторы, определяющие ее особенности.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовая культура советского общества, правосознание, конвенциональные ценности, детерминанты формирования правовой культуры советского общества.*

***Annotation.** The article deals with the issues concerning the characteristics of the legal culture of Soviet society in the 1917–1930s, and the factors determining its features.*

***Keywords:** legal culture, legal culture of the Soviet society, legal awareness, conventional values, determinants of the formation of the legal culture of the Soviet society.*

Формирование политико-правовой системы современной России является логическим продолжением процессов, которые отчетливо прослеживаются во всей предыдущей истории, в ее социально-экономической, политической жизни, в сфере идеологии, культуры, национальной политики, в особенностях формирования менталитета и правовой культуры [1]. Правовая культура общества, особенности формирования и отличительные черты правосознания личности выступают значимыми характеристиками национальной государственно-правовой системы [2].

Становление правосознания личности происходит во взаимодействии с обществом [1, с. 327–328]. Это взаимодействие носит системный характер. Акцент на наиболее востребованные качества личности в конкретную историческую эпоху делается обществом. Если социум (как система) и правосознание (как часть этой системы) вступают в противоречия, то средством разрешения этого противоречия призвана выступать государственная политика в сфере социального взаимодействия.

Трансформации политико-правовой системы общества всегда сопровождаются изменением правосознания, стремлением пересмотреть взгляды на право, прежнее отношение к праву, отношение к прежним законам [3, с. 300; 4, с. 59]. Это находит отражение в модификации правовой ментальности в целом

и формировании блока актуализированных терминов в частности [3, с. 300–302; 5, р. XIII; 6, s. XIII–XXVII].

Правосознание — сущностная характеристика правовой культуры и фактор, определяющий мотивы правомерного поведения. Правовая культура, как подчеркивал В. С. Нерсисянц, по сути, представляет собой «культуру признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей» [7, с. 374].

С учетом того, что в контексте социоаксиологического подхода к праву, право представляет собой систему конвенциональных ценностей, «сформированных в результате публичного правового дискурса, главными субъектами которого выступают классы» [8, с. 10–12], следует учитывать, что в условиях кардинальной трансформации правовой дискурс «вытесняется» классовой борьбой и формируются ценности, синтезирующие различные классовые позиции. Ряд ценностей пересматривается, одни ценности утрачивают свою актуальность, другие — трансформируются. В каждый конкретный исторический период времени конвенциональные правовые ценности, общие и для всего политически организованного общества, оформляются в иерархически выстроенную систему [8, с. 8] и выступают детерминантами формирования правосознания.

В первые годы советской власти правосознание формировалось в условиях разрушенного войнами хозяйства, нестабильной социальной и демографической ситуации, начального этапа создания системы новых государственных органов и отрицания достижений российской правовой культуры монархического периода [9, с. 302–305]. Правосознание стало заменой разрушенных систем законодательства (существовавшие в монархической России законы были лишены юридической силы), судебных органов (деятельность судов, созданных до октября 1917 г., была прекращена), правоохранительных органов (профессиональная царская полиция разогнана еще в годы Временного правительства, а милиционные отряды, охранявшие общественный порядок в первое время существования советской России, создавались на иной (не профессиональной) основе). Именно революционное правосознание выступало в это время источником права.

В условиях новой экономической политики социально-экономические детерминанты функционирования государственно-правовой системы страны были изменены. Шел процесс индустриализации страны. В конце 1920-х годов установилось нестабильное равновесие, которое не ликвидировало противостояния в отношениях между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством. При этом определенный отход от заявленных в октябре 1917 г. установок, оформившийся в новой экономической политике, был соотносим

с русским менталитетом, в рамках которого установленные законом правила воспринимались вариативно и носили необязательный характер.

Режим, сформировавшийся в 1920–1930-е годы, уничтожил в стране возможность возникновения оппозиции государственной власти. Характерными чертами политической системы, утвердившейся в стране в предвоенные годы, стали: централизация всех сфер общественной жизни; устранение масс от государственного управления; фиктивный характер институтов демократии; сращивание партийного и государственного аппаратов, диктат бюрократии; выход карательных органов из-под контроля общества и, как следствие, массовые репрессии; культ личности; формирование новой «социалистической» культуры, базирующейся на идеологических мифах; огромный разрыв между словом и делом; деформирование общечеловеческих правовых ценностей и укрепление нового «социалистического» правосознания, одобрявшего и крепившего тоталитаризм [1].

Особенности и формирование правовой культуры населения в 1920–1930-е годы стали предметом осмысления юристов, историков, философов. П. И. Стучка [10; 11; 12; 13], Е. Светлов [14], В. Н. Ильин [15], М. А. Рейснер [16] предпринимали попытки охарактеризовать сложившуюся в СССР правовую культуру общества. Обращая внимание на необходимость борьбы с буржуазным правосознанием в первые годы советской власти, П. И. Стучка подчеркивал, что правосознание взаимосвязано с законом, но не тождественно ему; правовые отношения тесно связаны с экономическим базисом общества [12, с. 70]. Е. Б. Пашуканис, выдвинув «меновую концепцию права», право рассматривал как пережиток прошлого, как институт, которому предопределено отмирание [17]. Восприятие такой концепции вело к правовому нигилизму, затрудняло оценку правового развития, адекватную жизненным реалиям конкретного исторического периода. Психологическая концепция правопонимания, выдвинутая П. И. Петражицким, нашла свое отражение в работах М. А. Рейснера, который отождествлял право и правосознание и подчеркивал, что именно правосознание играет решающую роль в революционной смене одного общества другим [16].

Большая работа по правовому воспитанию масс и кадров государственного аппарата, проводившаяся в 1920–1930-е годы, была результативной. Общественное сознание первых десятилетий советской власти отличалось: верностью традициям, сердечностью, открытостью. Но и в этих условиях сформировался культ личности Сталина. В массовом правовом сознании оказались переплетенными постулаты марксистской теории общественного развития и правовая неосведомленность, уверенность в построении коммунизма и скептические предубеждения. Неверие в возможности права и закона нередко достигало

такой степени, что человек отказывался от реализации и защиты своих субъективных прав и законных интересов.

Важное место в правовой культуре советского общества занимали представления о законности [18, с. 30–34; 19]. Декларируемый режим социалистической законности должен был опираться на установление верховенства закона, принципов равенства всех перед законом и справедливости, однако жизненные реалии свидетельствовали о многочисленных и повсеместных нарушениях законности: так, в 1937–1938 годах число осужденных по делам органов НКВД составляло 1 344 923 человека. Официальная статистика не могла учесть всех репрессированных в годы террора «врагов народа», при этом известно, что в 1930-е годы было раскулачено и «самораскулачено» 1,1 млн «кулацких» хозяйств (около 5 млн человек).

Таким образом, правовая культура общества в условиях становления советской власти формировалась под воздействием множества детерминант. Создавалось первое в мире Советское государство, взявшее курс на создание социалистического (и далее — коммунистического) общества; активно формировались новые представления о праве, о прошлом и перспективах государства [20]; законодательно закреплялась диктатура пролетариата, провозглашалась необходимость достижения однородности социума. При этом продолжали сохранять значение многовековые традиции управления общественной жизнью, связанные с гипертрофированной ролью государства, несформированностью гражданского общества, сложившимся «антилиберализмом» массового общественного сознания, преобладанием в нем уравнилельно-коллективистских начал. Тоталитарный режим деформировал общественную атмосферу, оказывая пагубное влияние на формирование правовой политики. В обществе преобладал исполнительный уровень социальной активности личности. Осуществлялся идеологизированный подход к основным направлениям формирования правосознания и правовой культуры. Общественно значимые цели правосознания и правовой культуры носили абстрактно-декларированный характер. Имело место систематическое вмешательство партийного государственного аппарата в сферу правосудия; содержание приговоров, особенно по политическим делам, предопределялось заранее, в нарушение всякого законодательства, что способствовало сохранению социальной напряженности, которая сопровождалась расширением сферы деятельности карательных органов. Особенности правовой культуры советского общества, сложившейся в период становления республики советского типа, обусловили специфику функционирования государственно-правовой системы на следующих этапах исторического развития СССР.

1. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. 466 с. [Вернуться к статье](#)
2. Демидова И. А. Определение правовой культуры в теории права // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД. 2017. № 2(74). С. 28–33. [Вернуться к статье](#)
3. Нижник Н. С. Вербальное отражение трансформации политико-правовой системы российского государства в эпоху социалистической революции // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Четвертой междунар. конф., Челябинск, 3–5 дек. 2009 г / отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 300–302. [Вернуться к статье](#)
4. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Парламентский дискурс на страницах региональной периодики как детерминанта формирования общественного сознания в России начала XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2021. № 2 (90). С. 57–69. [Вернуться к статье](#)
5. Koebner R., Schmidt H. Imperialism: The Story and Significance of a Political Word: 1840–1960. Cambridge, 1964. 432 p. [Вернуться к статье](#)
6. Brunner O., Conze W., Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / (Hrsg.). Band 1: A-D. Stuttgart, 1972. 982 S. [Вернуться к статье](#)
7. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 539 с. [Вернуться к статье](#)
8. Клименко А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. № 1. С. 8–12. [Вернуться к статье](#)
9. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI в. : материалы междунар. науч. конф., Витебск – Псков, 27 февр. – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2017. С. 302–306. [Вернуться к статье](#)
10. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сб. ст., 1917–1930. М. : Гос. юрид. изд-во, 1931. 333 с. [Вернуться к статье](#)
11. Стучка П. И. Курс советского гражданского права ; Коммунистическая академия. Секция права и государства. 2-е изд. Т. 1 : Введение в теорию гражданского права. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 260 с. [Вернуться к статье](#)
12. Стучка П. И. Мой путь и мои ошибки // Советское государство и революция права. 1931. № 5–6 (май – июнь). С. 67–97. [Вернуться к статье](#)
13. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права; Ин-т истории партии при ЦК КП Латвии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Рига : Латгосиздат, 1964. 748 с. [Вернуться к статье](#)
14. Светлов Е. За революционную теорию. Ленинград : Прибой, 1930. 30 с. [Вернуться к статье](#)
15. Ильин В. Н. К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский Временник : неперіод. изд. / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Кн. 4. Берлин ; Париж : Евразийское книгоиздательство (Бр. Гиршбаум), 1925. С. 305–317. [Вернуться к статье](#)

16. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград ; М. : Гос. изд-во, 1925. 276 с. [Вернуться к статье](#)
17. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий) ; Социалист. акад. Секция права и государства. М. : [б. и.], 1924 (Мосполиграф 27 тип. «Красная печать»). 160 с. [Вернуться к статье](#)
18. Нижник Н. С. Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социою-ридического феномена в современной юридической науке // Вестн. Кыргызско-Российского славян. ун-та. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. [Вернуться к статье](#)
19. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник [и др.]. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)
20. State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik [et al.] // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015. [Вернуться к статье](#)